ОИК

Брандт, Р.

Демократизация русской грамоты.

М. 1917 г.

ОИК
17г.

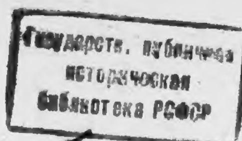
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ РУССКОЙ ГРАМОТЫ.

ЗАСЛУЖЁННОГО ПРОФЕССОРА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПО КАФЕДРЕ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

РОМАНА ФЁДОРОВИЧА
БРАНДТА.

Цена 25 к.

МОСКВА—1917.

Теперь, в пору государственного строительства на Руси, Министерство Народного Просвещения принялось за проведенье давно назревшей реформы правописания *): оно осуществило желание Чеховского „Мыслителя", говорящего: „Будь я министром, запретил бы я вашему брату ятем людей морочить".

Реформа подготовлялась целым рядом поколений. Уже Петр Великий, при переделке церковной нашей грамоты в гражданскую, исключил несколько лишних букв: кси, пси, з (оставил он „зѣло", как похожее на латинский s); в сущности не было в азбуке и особой буквы ѳ, так-как ее употребляли свободно, как другое начертание вместо ф, и охотно писали например в слове „ѳлагъ". Реформа эта, положим, была весьма недостаточна, да и подверглась потом еще изменению и урезке.

О недостатках русского письма рассуждали Ломоносов и его современники Тредьяковский да Сумароков, хотя они (даже Тредьяковский, стоявший за чисто звуковую орфографию—письмо „по звонам") желали исключить лишь немногие буквы, в числе которых не было ъ и ѣ.

В 60-тых годах прошлого столетия в Петербурге (могшем тогда только в стихах называться „Петроградом") происходило преподавательское совещание, где иные участники намечали весьма значительную реформу, с устранением и ъ, и ѣ; но много оказалось сторонников старины, и накакой реформы не состоялось.

В 70-тых годах покойный академик Яков Карлович Грот в своих, в общем очень дельных, „Спорных вопросах русского правописания от Петра Великого доныне" (это одно из его „Филологических рассуждений"), намечал довольно широкое преобразованье, которое однако впоследствии, в своем „Русском правописании", свел почти на нет.

---

*) Несмотря на тò, что я сам хотел бы гораздо более сблизить письмо с выговором, придерживаюсь в настоящем рассужденьи министерской орфографии. Провести рекомендуемое теперь ё затруднилась типография.

Против ъ, который уже до него кое-кто опускал в печати, а еще чаще в письме, не только вескими доводами, но и делом восстал, в конце 70-тых годов, варшавский профессор Митрофан Алексеевич Колосов, ставши печатать без ъ основанный им „Русский Филологический Вестник". Правда, после смерти Колосова бо́льшая часть статей, а также заглавье и оглавление Вестника опять стали набираться с твердыми знаками.

В 80-тых годах, в Москве, за упрощенье орфографии, для облегчения „малых сих", ратовал выдающийся педагог, тоже уже покойный, Владимир Петрович Шереметевский.

Приблизительно с того же времени автор этой брошюры, на лекциях по славянским языкам, а в частности по русскому, между прочим напирал на неудобство хитрых орфографий, дающих неверное изображенье живой речи, а затем напечатал в ученых журналах и в газетах целый ряд статей по русской орфографии. Подходил я к делу с двух сторон, как ученый, и как начальный преподаватель, нераз обучавший детей чтению и письму и составивший при этом свой Учебник грамоты, изданный в сотрудничестве с другим лицом, Александром Федоровым.

Публичная моя лекция „О лженаучности нашего правописания", прочитанная в 1899 году (впоследствии, в 1901 году, напечатанная в „Филологических Записках", выпуск I—II), напомнила бытовавшему тогда при Московском Университете „Педагогическому Обществу" о мыслях Шереметевского, была повторена в этом обществе, в отделении Русской словесности, как доклад, и вызвала образование при нем орфографической комиссии, куда вошли, под моим председательством, Сергей Григорьевич Смирнов, Павел Никитич Сакулин, Иван Павлович Казанский и Иона Александрович Вертоградский, причем, как советчик, был приглашен нами еще покойный профессор (после академик) Филипп Федорович Фортунатов, каковая комиссия работала 2 года и имела 14 заседаний, к коим участники приготовляли вдобавок целые доклады по отдельным вопросам. Одновременно с отделением Русской словесности занималось этим делом в Педагогическом обществе также отделение Начального образования, где главным деятелем был Михаил Семенович Семенов. Пройдя через Общество и подвергшись некоторым изменениям, проект наш пошел в Министерство Народного Просвещения, с просьбой образовать для

рассмотрения его комиссию из академиков и других компетентных лиц; ходатайство наше, правда, тогдашним министерством было отклонено, под предлогом „несвоевременности".

Приблизительно в то же время с проектом упрощения русской грамоты, весьма близким к нашему, выступил наш бывший профессор, известный многоязычник, покойный академик Федор Евгеньевич Корш, напечатав, в 1902 году, в VII-ом томе Известий Отделения Русского языка и словесности Академии Наук, статью „О русском правописании".

Немного спустя, вопрос о реформе был решительно поставлен на съезде преподавателей военно-учебных заведений, а затем двинут тогдашним начальником этих училищ и вместе с тем президентом Академии Наук, покойным Константином Романовым, образовавшим по этому случаю при Академии из ученых и разных представителей учебного и печатного дела орфографическую комиссию, которая, 12 апреля 1904 года, по разным вопросам неодинаковым, но всегда значительным, большинством голосов, постановила устранить ѳ, одно из и, ъ и ѣ.

К сожалению, несмотря на мое настаиванье, не приступили тогда же к осуществленью этой меры, ввиде министерского разрешения отменить обязательность устраняемых букв для школьников и устраненья их из собственного обихода, а отложили отмену отвергнутых букв до выработки более подробной реформы, наметить которую было поручено особой „подкомиссии". Подкомиссия наша поработала, но затем дело приостановили из-за японской войны. Только в 1912 году занятия подкомиссии были закончены, и появилось предварительное сообщение ее о предполагаемых изменениях, но уже не удалось собрать вновь комиссию.

В наши дни однако догадались, что война и даже одновременное с ним государственное переустройство не мешает в тылу работать ученым и педагогам. Именно при массе настоятельного дела яснее сознаётся, что нечего тратить время на пустяки, вроде вопроса, нужно ли в каком-нибудь слове по Гроту поставить е или ѣ, а при теперешней дороговизне бумаги прямо грешно изводить часть ее на твердые знаки.

Многие интеллигенты, конечно, упрощенным письмом смутятся и даже возмутятся. Иные сошлются на тò, что у реформы были ученые противники. К ним могли бы причислить такого крупного слависта, как академик Игнатий Викентьевич Ягич, частные возраженья которого, при общем сочувствии

реформе (особенно устранению ъ), иной готов будет изобразить как враждебность. Затем, могут быть указаны действительные противники: покойный славист Антон Семенович Будилович и языковед Александр Иванович Томсон. Однако в статьях Будиловича нам возражает собственно не славист, а любитель старины, публицист и славянофил, да и отдельные деловые возражения его не выдерживают критики. Также не как ученый, а как наблюдатель и защитник своих орфографических привычек, при полном равнодушьи к мучениям школьников и к желательности широкого распространения грамотности во всех народных слоях, выступал Томсон, сводящий самого себя к абсурду, говоря, что „мѣлъ“, написанный через е, будет для него не белым, а серым.

Возражения этих, а также других, менее авторитетных, противников реформы легко удавалось опровергнуть мне, Павлу Никитичу Сакулину и другим.

Томсон в сущности, под ученым соусом, подносит нам те затруднения, какие упрощенное письмо представляет для человека, вышколенного на теперешнем, мудреном.

К теперешней грамоте у современного грамотея привыкли и глаз, и рука, так, что от нарушенья ее правил его коробит—писать просто для него труднее, чем помудреному, а некоторые новые написания он и прочтет не сразу. Но, если он вспомнит, что доброму гражданину не мешает иногда для общего блага пожертвовать своим удобством, то вскоре вчитается в новое письмо; переучиваться же писать нет надобности, хотя это тоже не было бы египетской работой.

Думается мне даже, что иные из упрощений пригодятся и очень грамотным людям. Таково неразличенье во множественном числе не различаемых в живой речи родов, например, написания: „светлые сени“, „синие моря“, с тем же е, как „светлые дни“, „синие кафтаны“; „они, одни, одних, одним, одними“ в женском роде с тем же и, как в мужеском и среднем. Опущенье, для сбережения места и времени, буквы ъ можно рекомендовать всем: хотя бы иному долго, может-быть целый месяц, на опускание ъ потребовалось бы больше умственного и мышечного напряжения, чем на постановку его, но эта потеря времени вскоре с лихвой окупится.

Правда, глаз наш именно к ъ особенно привык. На меня самого, обыкновенно пишущего и нераз печатающего без ъ, отсутствие его в печати производит несовсем приятное впе-

чатление. Но, с другой стороны, я так привык к отсутствию ъ у сербов, что наличность его в их старых книгах мне кажется дикой. Поучительно также, что знаки р, с и х, неуместные для русского чутья в конце слов вроде „пар, нос, дух“, нисколько не странны для нас в каких-нибудь французских словах, как loup, lac, paix.

Лишний с житейской точки зрения, конечный ъ излишен также с научной. В древности ъ был гласным звуком (глухим, неявственным, приблизительно тем, который слышится в первом слоге речений „положить“, „засучить“), каковой звук нередко имелся и внутри слов, так что были такие слова, как сънъ, тъпътъ, гладъкъ; впоследствии он то немел, то прояснялся в о, причем получился выговор сон, топот, гладок, и, как мы прояснившийся ъ пишем через о, так онемевший следовало бы всегда опускать, что̀ мы однако делаем обыкновенно лишь внутри слов, а не в конце. Зато внутри опускаем ъ и в таких случаях, где только его прежним присутствием объясняется отвердение согласных, например в словах „ёлка“, „сетка“, рядом с первичными „ель“, „сеть“—когда-то было елъка, сѣтъка.

При устраненьи конечного ъ, однако, внутренний ъ (съесть, объявить) получает вид какой-то странной вставки. Вдобавок такие написания не коренятся в древности: в те времена, когда ъ был гласным звуком, говорили и писали „сънѣсти“, „обавити“, и чужды даже теперешнему церковному письму. Надеюсь, что впоследствии состоится полное изгнание ъ, с заменою внутреннего, по моему способу, одобренному в свое время Московским Педагогическим Обществом, через ь, что̀ отнюдь не исказит, вовсе не твердого, произношения.

С устраненьем конечного ъ естественно было соединить также устраненье конечного, а также и внутреннего, ь после шипящих, то-есть писать без ь: реч, вещ, проч, толочся, реж и режте, ходиш, настеж и т. п., ведь ч и щ всегда более-менее мягки, ж и ш—тверды, а подревнему за шипящими никогда не следовал ъ, а всегда ь. Жаль, что этот пункт, раньше почти всеми одобрявшийся, теперь отвергнут.

Подобно опущению ъ, неприятно для наших глаз также появление буквы и перед гласными; хотя правило писать в таких случаях і довольно новое и не имеет никакого основания в истории языка. Вдревности і (изображавшееся без точки или же с двумя точками) употреблялось только в некоторых пришлых словах, например в имени Спасителя—Іисусъ, пи-

савшемся сокращенно, под титлом: $\overline{\text{IC}}$; затем в конце строки, ввиду недостатка места для обыкновенного, более широкого и, да еще нередко в сочетании двух и, причем однако і ставилось не на первом месте, а на втором. Теперешнее правило возникло впоследствии, как механическое подражание грекам, у коих по свойствам их языка і очень часто стояло перед гласными, а другое и (прежде имевшее иной звук, а именно долгое е) почти никогда. Вместе с тем и правило насчет различения посредством двоякости буквы и „міра-вселенной“ от „мира-покоя“ совершенно произвольно, а как мы легко обходимся без ѵ у „мира“ для миропомазания, так можем обойтись и без і. Ведь даже нехорошо, если мы выразимся та́к, что смысл нашей речи будет держаться на одной букве, отчего при чтении вслух получится совершенная неясность. Недоразуменье в подобных случаях возможно даже при чтении про себя, так-как искусный чтец не всматривается в каждую букву, а неумелый не тверд в правописныхъ тонкостях *).

Исключается при нынешней реформе і, а не другое и, потому что і буква редкая, отсутствие которой на первый взгляд совсем незаметно, тогда как введенье постоянного і чрезвычайно пестрит страницы. Еще имелось ввиду, что именно і уже исключено сербами и болгарами, и что при устраненьи обыкновенного и странно было бы сохранить й. С другой стороны, правда, за і говорит его бо́льшая ясность на письме, тогда как безточное и легко сливается с некоторыми соседними буквами, например: *шить, тише, пиши*. [В моем и в Коршевском проекте это неудобство в значительной мере устранялось тем, что мы после ш (также после ж), по слуху, писали ы: *шыть, пишы*]. Говорит за і также желание сблизиться с другими европейцами, пишущими азбукою латинской. Но первое соображенье предполагает постоянную тщательную постановку точки, которая едва-ли будет соблюдаться; а сближение с Европой одною буквою—пустяк: уж сближаться, так надо бы прямо принять латинскую азбуку **). Еще, впрочем, впользу і можно

* Вот, кстати, ещед примера, где опущенье якобы очень нужного ъ нисколько не затемняет смысла: „не плач! плач не поможет“; „мы думали, что брат отличится, но он не сумел отличится“.

**) Приспособленье этой азбуки к русскому языку предлагается у меня при статья „Мнения о русском правописании Игн. Викент. Ягича, Фёд. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Александра Иван. Томсона“. Филологические Записки, 1904 г.

сослаться на то, что эта буква уже, значит, занимает меньше места, и даст сбережение на бумаге.

Менее заметно для глаза, но в высшей степени возмутительно для грамотейской совести устранение ѣ.

Между тем ѣ уже устранен из целого ряда слов, где первоначально писался. Таковы например: **тѣмя, пѣсокъ, мѣль, мѣлкий, вѣдро, блѣскъ, брѣзжится, дрѣмать, сѣмья, клѣй, клѣщи, лѣтать, прилѣгать, угнѣтать** (хотя **летѣть, лечь** и **гнести** въ корне представляли е), **капѣль, обитѣль, добродѣтѣль** (два ѣ), **верѣя, лазѣйка, давѣча**. Таковы, далее, все слова, где вместо полногласного ере произносится на книжный (церковнославянский) лад «ре», как **врѣдъ, брѣгъ, прѣдать, чрѣзвычайный**. Есть также, напротив, несколько слов, где принято писать ѣ вместо е: **Алексѣй, Сергѣй, змѣй, индѣецъ, сѣдло, цвѣлъ** (глагол „сѣсти“ и существительное „цвѣтъ“ в самом деле содержали ѣ).

Не раз уже спутав, таким образом, ѣ и е, устранив ѣ из массы слов, притом без малейшего вреда для ясности, можно выбросить его и совсем, и впредь не утруждать учащихся мудреною наукой о нем.

Не бесполезен ѣ только в тех случаях, где указывает, что надо произносить е, а не „ё“, как „осѣлъ“, „всѣ“ рядом с „оселъ“, „все“. Однако этой двоякости может служить заменою двоякость „е“ и „ё“, и лишь на первых порах в-с-е в смысле не теперешнего в-с-е, а в смысле в-с-ѣ, представляет действительное неудобство*).

Для высшей грамматики буква ѣ, конечно, не лишена интереса, так-как ей в давние времена соответствовал особый звук (двугласный: „ie“), а разное измененье этого звука характерно для разных славянских языков и говоров; но толкуя о судьбе **звука** „ѣ“, надо считаться не с современной, непоследовательной орфографией, а с древнею.

Если „ѣ“, святыня русской грамотности, имел и имеет ярых сторонников, то от „ѳ“ едва-ли ни все готовы отказаться: ею соглашались пожертвовать даже такие решительные противники реформы, как покойный философ Алексей Сергеевич Белкин, Антон Семёнович Будилович и Александр Иванович Томсон.

---

*) После шипящих надо бы писать **о**, как и предлагали чуть ли ни все орфографические комиссии: сохраненное последним совещаньем употребление здесь **о** лишь в некоторых случаях (например „чорт“ рядом с „черти“, но „чѳрный“, „желтый“ через **ѳ**)—крайне непоследовательное.

Θ—греческая буква, в древности звучавшая, как придыхательное т (тх), почему римляне, а вслед за ними французы и передают ее двумя буквами: th; например: Θедор, Θеодор—Theodorus, Théodore. Таким образом при заимствовании греческих слов с θ западные европейцы стали произносить, да часто и писать, t. Словà этого рода не раз приходили к нам через французов и немцев, и вместо θ в речи и на письме получалось т, например „театр“, французское théâtre, немецкое Theater, греческое ΘΕΑΤΡΟΝ, которое тоже заходило встарину в наш язык, как „θеатръ“. Со временем θ у греков стала произноситься иначе, а именно с тем звуком, который слышится у англичан в слове thing вещь, то-есть на русский слух как нечто среднее между с и ф. Перенимая греческие слова прямо от позднейших греков, русские, сохраняя (по мере умения) букву θ, стали произносить ее как ф. И вот, если мы в слове „театр“ первое т, произошедшее из греческой θ, не считаем нужным отличать чем-нибудь от второго, то нет надобности обозначать и двоякое происхожденье звука ф в имени „Филоθей“, и нечего настаивать на букве Θ в имени „Θедоръ“, при букве Ф в имени „Филиппъ“ (по-гречески: ΦΙΛΙΠΠΟΣ). К тому же употребление буквы „θ“ уже само собой сильно поколебалось.

Приводя примеры на счёт нашей зрительной привычки, я изложил предполагавшееся, а теперь осуществляемое сокращенье азбуки. Укажу теперь другие изменения, вносимые в русскую грамоту министерским распоряжением, а некоторые, коих уже касался, повторю, с более подробною мотивировкою, и отчасти с оговорками.

К приставкам **воз** (**вз**), **из**, **низ**, **раз** (**роз**) прибавлены теперь случайно отбившиеся от них „без“ и „через“ („чрез“), куда, значит, вводится буква **с** у таких слов, как „бесталанный“, „чересполосица“. Кроме того не делается исключения для положенья перед буквою с, так, что все эти приставки кончаются на **с** перед всеми глухими согласными, и пишется (как писал Ломоносов) с двумя **с**: **восстать**, **иссякнуть**, **россыпь**, **чересседельник**.

В родительном падеже прилагательных (собственно-прилагательных, а также сходных с ними местоимений, числительных, да причастий) отменяется двоякость написаний „злого“, но „добраго“, и везде проводится -ого: **доброго**, **пятого**, **которого**, **влекомого**. В соответствие этому -ого, как мягкое окончание,

вместо -яго пишется -его: **синего, свежего, идущего, шедшего.** Писать при безударности то, что явственно слышится под ударением („зло́го“)—это согласно с общим обычаем русского письма; хотя и нельзя, вместе с Гротом, не дорожить несколько получающимся при обычном письме намёком на место ударения. Итак сомнительно, стоило ли реформировать в этом направлении. Помоему здесь следовало устранить вопиющее противоречие выговору и заменить букву г через в: я продолжаю стоять за написания -ово и -ево. Так встарину нераз писали, и областное (северное, окальское) произношение знает кое-где соответственный выговор: до́брово, ле́тнёво.

В именительном и винительном падеже множественного числа прилагательных (опять-таки и других сходных частей речи) по всем родам проводится присвоенное произвольно мужескому роду окончание -е (-ые, -ие): „добрые женщины“, „добрые чада“, „синие волны“, „синие моря“. Это—несомненное облегченье, так-как согласно с отсутствием в живой речи во множественном числе родовых различий, единственный след которых — окончанье родительного падежа -ов, обычное в мужеском роде, редкое—в среднем, и вовсе чуждое (если не считаться с областными говорами)—женскому.

Вижу однако здесь лишнюю регламентацию, и продолжаю желать, чтобы разрешили свободное употребление слышимых рядом в разговорной речи е и я, да еще са́мого обычного, но на письме не допускаемого—и: **добрыи друзья, добрыи женщины, добрыи чада, синии кафтаны, синии волны, синии моря.** Троякостью дорожу между прочим из-за стихов, для рифмы, желая бы выговорить стихотворцам право рифмовать например: „гордая выя“—„злыя“, „на гордой вые“—„злые“, „с гордой выи“—„злыи“ *).

Напрасной урезкой русского языка считаю также провозглашаемую теперь монополию формы „они“, то-есть полное устранение формы „онѣ“. Мне лично, правда, привычна только первая; но вторая слышится-таки нередко, и вряд-ли зазаслуживает опалы: надо бы только, согласно с живой речью и с целым рядом примеров у писателей, отменить произвольное присвоение ее женскому роду. Никак уж, конечно, нельзя

---

*) Я бы и вообще допускал почаще двоякое и даже троякое написание: стремленье к полному единству орфографии мне представляется педантством.

исключить формы **оне** из тех стихов, где поэт поставил ее в рифму:

И на могиле, при луне,
Обнявшись плакали оне. Пушкин. Евгений
Онегин. Глава VII, строфа 7.

Не докучайте мне!
Воспоминания, как острый нож оне. Грибоедов. Горе от ума.
Действие IV, явление 12.

Полуно́чные образы стонут,
Как больной в утомительном сне,...
Но о чем это стонут оне? Фет. Полуно́чные образы...

Не следовало также совсем изгонять, опять-таки менее употребительные и моей собственной речи чуждые, формы „однѣ, однѣхъ, однѣмъ,однѣми",так-как они нередко слышатся; понятно, без закрепощения за женским родом. (Сравним несомненно общие всем трём родам „те, тех, тем, теми").

Вполне правильно, что устранено написание „ея" в родительном падеже местоимения **она**, как не русское, а церковно-славянское, с заменою его употребляемым как винительный падеж „ее"—винительный „ее" ведь и есть ничто иное, как родительный в роли винительного (настоящий винительный был „ю"): произношенье по написанию, „ея,"слышится лишь у отчаянных книжников.

Однако это произношенье и согласное с ним написание, разумеется, должно быть сохранено например в Пушкинских стихах:

На крик испуганный ея
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Евгений Онегин, VII, 16.

И у Языкова:

Разгульна, светла и любовна,
Душа веселится моя:
Да здравствует Марья Петровна,
И ножка, и ручка ея! Песня.

Полагаю даже, что и современный стихотворец может иногда, ввиде вольности, допустить такую рифму и вместе с тем такое написание, и просил бы разрешить его мне в стихах:

Не та̀ дубрава—шум ея
Был сладок и чудесен,

Когда от милой ехал я,
Исполнен новых песен.

Нельзя не одобрить также упрощения довольно-таки стеснительных правил переноса, хотя оно и далеко не доходит до той свободы, какую я указал как допустимую и даже желательную в своей лекции „О лженаучности нашего правописания“.

Хорошо и разрешенье писать по желанию слитно или раздельно предложные сочетания, как „всторонe“, „втечение“, „сверху“, хотя я лично все-таки отдал бы предпочтенье слитному написанию, то-есть признанью их наречиями, а раздельное „в двое“ мне прямо кажется странным.

Не безусловно восхищаясь новым правописанием, я тем не менее приветствую в нем значительное упрощенье письма— значительное его „ународненье“, „демократизацию“.

Разумеется, для иных людей, вполне привыкших к ходячей орфографии, отступленья от нее будут не облегченьем, а затруднением. Поэтому (как я нераз уже высказывал в своих статьях) всякому должно быть предоставлено право остаться при старом правописании, но без права приневоливать к нему других.

Сразу обязательным новое письмо должно стать лишь при начальном обучении, а потом оно постепенно должно вводиться во все классы средних училищ. В общее употребленье оно войдет понемногу, при смене нынешнего поколения подростающим.

Учебники должны будут возможно скоро перейти на новое письмо; на первых же порах преспокойно можно будет пользоваться старыми, причем сбои под их влияньем, равно как под влияньем других книг, на прежние начертания, конечно, не будут особенно преследоваться и караться.

Отголоски отжившей старины вторгаются во всякое новое дело, и с ними надо разумно бороться, а отчасти — мириться: они более-менее скоро замолкают. Если бы из-за них отказываться от реформ, то пришлось бы узаконить полный застой.

Итак, надо смело приняться за введенье новой орфографии, при коей занятия по этому подготовительному предмету можно будет сократить и приналечь в средней школе на изучение действительных свойств родной речи, а, кроме того, уже в начальной можно будет основательно научать грамоте.

Предоставляя другим упрекать недавно вышедших в отставку министра народного просвещения Александра Аполлоновича Мануилова и товарища его Осипа Петровича Герасимова за те или иные промахи, не могу не выразить им глубокого сочувствия за решительность, с которою они взялись за правописную реформу, и не высказать надежды, что преемники их не будут в нашем вопросе менее радикальны. Хотя правописание собственно не имеет отношения к политическим партиям, все-таки консерваторы склонны были видеть в отступленьях от обычных начертаний (например в отсутствии ъ) вольнодумство, и вместе с другими своими кумирами считали не лишним охранять и стародавние буквы; лишь либеральное министерство могло решительно двинуть это столь полезное для народного образования дело.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Постановленія совѣщанія по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія, принятыя 11 мая 1917 г. *)

1. Исключить букву ѣ, съ послѣдовательною замѣною ея черезъ е (**колено, вера, семя, в избе, кроме**).

2. Исключить букву ѳ съ замѣною ея черезъ **ф** (**Фома, Афанасий, фимиам, кафедра**).

3. Исключить букву ъ въ концѣ словъ и частей сложныхъ словъ (**хлеб, посол, меч, пять куч, контр-адмирал**), но сохранить ее въ серединѣ словъ въ значеніи отдѣлительнаго знака (**съемка, разъяснить, адъютант**).

4. Исключить букву і, съ замѣной ея черезъ **и** (**учение, Россия, пиявка, Иоанн, высокий**).

5. Признать желательнымъ, но необязательнымъ употребленіе буквы **ё** (**нёс, вёл, всё**).

6. Писать приставки **из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через** передъ гласными и звонкими согласными съ **з**, но замѣнять **з** буквою **с** передъ глухими согласными, въ томъ числѣ и передъ **с** (**извините, воззвание, разумно, взыскать, низвергать, безвольный, чрезвычайно, — исправить, воспитать, всхожие семена, расстаться, роспись, ниспосланный, бесполезно, чересполосица, чересседельник**).

7. Писать въ род. пад. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій **-ого, -его**, вмѣсто **-аго, -яго** (**доброго, пятого, которого, синего, свежего**).

---

*) Перепечатываются одни постановления: имеющуюся при них по каждой статье мотивировку, ввиду сказанного выше, можно считать излишней. Правда, и новые правила вошли в предшествующее изложение, но там они разбросаны, а здесь сведены в одно. При перепечатке сохранена употребляемая в постановлениях обычная орфография. Изменено употребление выделительного шрифта: в подлиннике правила, в отличье от мотивировки, набраны сплошным курсивом.

8. Писать въ имен. и вин. пад. мн. женск. и ср. рода прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій -ые, -ие, вмѣсто -ыя, -ія (добрые, старые, синие, какие).

9. Писать они вмѣсто онѣ въ имен. пад. мн. ч. женск. рода.

10. Писать въ женскомъ родѣ одни, одних, одним, одними, вмѣсто однѣ, однѣх, однѣм, однѣми.

11. Писать въ род. пад. ед. ч. мѣстоименія личнаго женск. р. ее (или её) вмѣсто ея.

12. При переносѣ словъ ограничиться слѣдующими правилами: согласная (одна или послѣдняя въ группѣ согласныхъ) непосредственно передъ гласной, не должна быть отдѣляема отъ этой гласной. Равнымъ образомъ группа согласныхъ въ началѣ словъ не отдѣляется отъ гласной. Буква й передъ согласной не должна быть отдѣляема отъ предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечное й и группа согласныхъ на концѣ словъ не могутъ быть отдѣлены отъ предшествующей гласной. При переносѣ словъ, имѣющихъ приставки, нельзя переносить въ слѣдующую строку согласную въ концѣ приставки, если эта согласная находится передъ согласной, напр., надлежитъ дѣлить под-ходить а не по-дходить, раз-вязать, а не ра-звязать.

13. Допустить слитное и раздѣльное написаніе въ нарѣчіяхъ, составленныхъ изъ сложенія существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ съ предлогами (всторone, и в стороне, втечение и в течение, сверху и с верху, вдвое и в двое).

Складъ изданія:
Книжный магазинъ
„НАУКА“.
Москва, Б. Никитская, № 10.
Телеф. 2-54-99.

МОСКВА.
Типографія О. Л. Сомовой, Б. Никитская, д. 60.
1917.

